

[00:00:00] [Начало записи]

Руслан Гринберг: Дамы и господа, я вас приветствую. Честно говоря, я потрясен явкой. Это удивительная особенность, наверно, российской нации, что час назад в этом же зале была дискуссия о том, как предотвратить холодную войну. Было в пять раз меньше людей. А когда речь идет об экономической теории, это, казалось бы, такая уже абстрактная вещь, – столько народу, обалдеть можно просто от этого факта. Я придумал афоризм один, что россияне все время ждут конца света, но никогда серьезно к нему не относятся.

Мы сегодня обсуждаем, на первый взгляд, абстрактную тему очень – экономическая философия, что будет в мейнстриме. А на самом деле, это очень важная история, потому что политики снисходительно относятся ко всяким теориям, концепциям. Считают, что мы, люди, которые занимаются теоретическими исследованиями, хорошие ребята, умные, чего-то знают. Но на самом деле, жизнь другая, и мы сами знаем, в общем, чего надо делать.

А я все время в этой связи вспоминаю изречение Джона Мейнарда Кейнса, как вы знаете, самого цитируемого экономиста прошлого века. Который сказал, что политики, которые принимают решение и думают, что они с Богом разговаривали вроде бы для того, чтобы принять это решение, на самом деле повторяют всего лишь те тезисы, которым их научил профессор в том университете, где он учился, этот политик. И это настоящая правда. Наши политики в России, да и не только в России, они не являются исключением. И особенно в России.

Для России вообще очень характерна своеобразная связь между теорией и практикой. На философском языке, на птичьем языке философии это называется онтологизация теоретических схем. В переводе на обычный русский язык это означает, что мы очень любим так называемые научные теории, модные теории, западные особенно, и поэтому любим их внедрять любой ценой. И это я называю принуждением народа к счастью. Что в 1917 году принуждение к социализму, что в 1991-м принуждение к свободному рынку. И кончается плачевно. Поэтому разговоры о том, какая экономическая философия ляжет в основу экономической политики, это очень важный практический вопрос. И сегодня он важный.

Я точно не знаю идеологические предпочтения Владимира Путина. Но с учетом того, что он человек современности все-таки, я считаю, что он близок к либеральной традиции, или к так называемой либеральной традиции, поскольку либерал – это неплохое слово. Просто наши либералы дискредитировали само слово либерализм. Я не знаю, как посмотрит на это академик Глазьев или профессор Худокормов, которых я знаю, как серьезных теоретиков. Но, так или иначе, какая бы доктрина не была сейчас принята на вооружение, мы все ждем с нетерпением, что же будет, кто будет премьер-министром, кто возглавит экономический блок, что поручат Кудрину, куда пойдет Медведев. Но вопрос главный – какой курс все-таки будет.

[00:05:03]

Мне кажется, что все эти два дня показали, что главная проблема нашей страны, что у нас нет целенаправленной экономической политики. Нет ее. В риторике она есть, мы все хотим, чтобы лучше было всё. А на практике ее нет, поэтому мы живем все сегодняшним днем, методом проб и ошибок. Правительство действует в режиме пожарной команды, кто-то начинает быть недовольными, пенсионеры, или дальнбойщики, – вот тогда тушится пожар, и дальше живем.

Короче говоря, выбор экономической философии очень конкретный и практический вопрос. Сегодня у нас очень хорошие участники, очень компетентные. Я не знаю, будут ли они спорить, и о чем будут спорить, но вопрос простой. Я долго думал, как сформулировать эти вопросы. Все-таки главный из них, какие идеи возобладают в мейнстриме экономической мысли в обозримой перспективе. Мы знаем, что мы все с вами являемся свидетелями смертей двух утопий, – утопии директивного плана, и вторая смерть недавно наступила, – это смерть утопии свободного рынка.

Что будет вместо этого. Поэтому я назвал, либерализм, БИ-режим, что еще? Давайте начнем, как говорится, с патриарха экономической мысли Александра Георгиевича Худокормова. Он знает, что было, есть и будет. Заведующий кафедрой истории народного хозяйства, и, главное, экономических учений. Прошу вас, Александр Георгиевич.

Александр Худокормов: Хорошо, я начну, вы меня прервете, когда наскучит мой доклад. Я считаю, что нашу современную мысль, которая сейчас в нашей стране бытует, характеризуют постоянные дискуссии между рыночниками и либералами, не раскаявшимися рыночными фундаменталистами, это Кудрин, Ясин, Мао, и другие. И государственниками, которые выступают вплоть до мобилизационной экономики. Это академик Глазьев и его сторонники, Глеб Фетисов и другие. Хочу поставить вопрос сразу, какой из этих проектов хуже. Отвечу так: оба хуже.

Руслан Гринберг: Как Сталин.

Александр Худокормов: Как Сталин, да. Почему хуже? Потому что я считаю, что при современной нашей элите обе программы – и либеральная, и мобилизационная, обречены на провал. Все равно будет плохо. Потому что корень вопроса наш теоретический, это негодное качество элиты и в плане качества крупного бизнеса, и в отношении высшего чиновничества.

Примеры приведу. Недавно один из наших олигархов хотел купить около Ниццы поместье. Раздумал. Заплатил неустойку в 39 млн евро, на которые можно было построить крупный завод. Другой пример. Один из крупных руководителей нашего правительства снимает в Лондоне квартиру, аренда которой в 112 раз больше его жалования. Когда спрашивают: «Откуда деньги?» Говорят, что его жена – талантливый бизнесмен. Это мне напоминает историю с Лужковым. Его жена тоже была талантливым бизнесменом, имела 3 млрд долларов, а теперь в два раза меньше, когда лишилась административного ресурса.

Еще пример. Зарплата двух руководителей крупнейших государственных корпораций. У одного в 110 раз, а у другого в 90 раз больше доходов годовых нашего президента. Зачем

им такая зарплата? Ангус Дитон, лауреат Нобелевской премии, посчитал, что для полного счастья семьи из четырех человек в год нужно иметь 75 тысяч долларов, то есть чуть больше 6 тысяч долларов в месяц. Большой доход уже не дает прироста счастья. Оно зависит от совсем других причин. Это значит, что зарплата высших руководителей обслуживает не воспроизводство высокой сложной рабочей силы, а нечто совершенно иное.

И последний пример замечательный. Андрей Шлейфер, это наш эмигрант, а сейчас наиболее цитируемый западный экономист. Участвовал в нашей приватизации. Потом его руководство узнало, что он занимался еще и игрой на бирже, используя информацию государственную.

[00:10:18]

Попал под суд в Соединенных Штатах Америки. Под суд попала и его жена тоже, которая тем же самым занималась. Жену, правда, оправдали, но Шлейферу пришлось уплатить штраф в 2 млн долларов. А Гарвардский университет, который послал его в Россию, уплатил штраф 26 млн долларов. А с наших руководителей-приватизаторов, как с гуся вода, хотя наш президент сказал, что рядом с Чубайсом находились два агента ЦРУ, и их выгнали с работы, потому что они использовали свое положение в личных целях.

Наша элита больна. Больна социальным недугом, социальным эгоизмом. И пока она такова, ничего у нас не получится, я считаю. Никакая программа не будет успешной. Мы слышали несколько раз модернизация, новая экономика. Теперь цифровая экономика. Этим смыслом уже около 12 лет. Но получается пока очень неважно. И потому, что элита никуда не годится.

Теперь что делать. Конечно, не надо изобретать велосипед. Надо поучиться. Например, у Сингапура, руководство которого резко и последовательными мерами сумело переломить ситуацию у себя в стране. Но, говорят, это Азия. Азия нам не подходит. Давайте посмотрим на Европу. Полезно поучиться у послевоенной Франции, где элита тоже была больна, причем очень больна, и очень серьезными болезнями. Первая болезнь – это коллаборационизм, когда они за пять недель подняли лапы перед Гитлером. А вторая болезнь – рантье́рская психология, когда жили за счет иностранных капиталовложений. И третья болезнь – это колониализм, жили за счет колоний.

В послевоенный период все это стало невозможным. И был выдвинут лозунг – модернизироваться или умереть. И программа, которая тогда была принята, называется «Программой дирижизма». Дирижизм – это не мобилизационная экономика, это нечто иное. Но это сильный государственный сектор, причем не только в промышленности, но обязательно в сфере транспорта, нефть, газ, вот энергетическая экономика в руках государства. Дальше, крупные банки в руках государства, чтобы можно было модернизироваться за счет помощи государственных кредитов, и так далее.

За 20 лет, опираясь на дирижистскую модель и вылеченную элиту, Франция вновь вошла в клуб экономически развитых, технологически передовых стран. Жан Фурастье назвал

период с 1945-го по 1975 год славным 30-летием, потому что был невиданный темп роста. И французы в 60-е годы обгоняли даже Западную Германию по темпам роста.

Я заканчиваю. От дирижизма два пути. Первый путь к неолиберальной модели. Этим путем с 1975 года пошла и сама Франция, – приватизация, опора на исключительно рыночные рычаги, стимулы, отказ от индикативного планирования с 1996 года. Но есть и второй путь от дирижизма, – это путь к демократическому социализму. Первоначально этот путь предусматривался правительством Миттерана, но быстро сошел на нет из-за бегства капиталов. Франция была окружена другими принципиальными странами, началось бегство капитала и это бегство вынудило французов отказаться от демократического социализма. Хотя вначале такие наметки у Миттерана были.

Так вот, для России, в далекой перспективе, второй путь – путь к демократическому социализму вполне возможен. Через дирижизм. И, на мой взгляд, желателен, потому что мы – более самостоятельная, самодостаточная страна, чем Франция. Но тут есть еще и политическая задача. Наша страна нуждается, я не раз это говорил, и буду повторять, пока сил хватит, нуждается в сильной партии, социал-демократической партии европейского типа. Пока у нас в стране такой партии нет. А значит, нет ядра настоящей оппозиции нынешнему праволиберальному курсу.

И от программы дирижизма самым полезным рычагом и стимулом для нас является индикативное планирование, которое неплохо показало себя в других странах, вытягивая их из ямы технологической отсталости. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо большое. Я думаю, что это было очень четкое выступление. Я хочу согласиться с Александром Георгиевичем в его тезисе о какой-то социал-демократической или социалистической ориентации.

[00:15:10]

Дело в том, что интеллектуалы обычно критикуют народ, что он не так думает, ни то, ни сё, а мы правильно думаем. А я вот недавно видел опрос «Левада-центра», и мне он показался очень таким важным и таким знаковым. А вопрос был поставлен так, что обратились к россиянам, просто спросили, какая идеология для вас предпочтительнее. Там было пять или шесть примерно ответов, например, сталинская рука, твердая рука. Как ни странно, это был 2017 год уже, уже обожание началось, тем не менее, там было семь процентов. Твердая рука из относительных еще шесть. Либеральный – шесть процентов. Коммунисты – тоже где-то в районе семи процентов.

Но меня поразила цифра – социал-демократические идеи и социалистические идеи – 29%! И именно эти настроения говорят о том, что народ, он не реваншист, он не хочет после 25-летия безумия рыночного фундаментализма, можно было бы и мечтать о возвращении к директивному плану. Нет, все-таки есть здравый смысл, хотят, конечно, хотят уверенности в завтрашнем дне, но без потерь предпринимательства, рынка и всего такого прочего. Так что надо дискутировать на эти темы.

Почему в политическом спектре нашем, политическом пространстве эта партия, партия «Справедливая Россия» претендует на это, но она как бы системная, и в каком-то смысле

декоративная. Может, я преувеличиваю, но пять процентов они получают. И, в общем, вот так это все выглядит. Но у меня теперь вопрос к Сергею Юрьевичу Глазьеву. Вы знаете, что Сергей Юрьевич занимается укладами, и он чувствует материальную основу для новых доктрин. А сегодня это большая история.

Мы вообще на пороге чего-то неизвестного. Экономика меняется, производительные силы резко меняются. Может быть, наши споры – дирижизм, либерализм, – может, они хоть и доморощенные уже, уже, может быть, сами производительные силы диктуют какую-то другую доктрину, которая будет в мейнстриме? В общем, попробуй, Сергей, сказать, что ты думаешь на это счет.

Сергей Глазьев: Спасибо, Руслан. Хочу сказать, что я тоже, как и ты, согласен практически со всем, что сказал Александр Георгиевич. У меня только два вопроса неразрешимых. Первое, что такое социал-демократическая партия европейского типа сегодня. Я бывал на заседаниях Социнтерна, больше ездить не хочу, потому что там вопросы, которые я пытался поставить, скажем, введение налога Тобина, например, или создание механизмов коллективной реакции на катастрофы, никакого интереса у них не вызвало. Они дебатировали права сексуальных меньшинств и легализацию однополых браков. Поэтому, этот вопрос остается открытым. Действительно, Европа ушла куда-то в другую сторону.

То же самое не могу понять, откуда мне приписываются апологетики так называемой мобилизационной экономики. Я сожалею, что мы редко, может быть, встречаемся и дискутируем, потому что ни в одной из моих статей нет призыва вводить мобилизационную экономику. Потому что не понятно, что это такое в современных условиях. Действительно, властвующая элита настолько безответственна, что ей страшно доверять какие-либо еще дополнительные рычаги власти и управления.

Я как раз критикую мейнстрим с позиции больше фундаментально научных, в том плане, что мейнстрим игнорирует вопросы развития экономики. И если говорить о перспективах нашего будущего, то мне просто нужно в корне отходить от парадигмы мейнстримовской, будь то парадигма либертарианская, замечу, не либеральная, а либертарианская, когда вообще отрицается роль государства. Либо марксистская парадигма, которая у нас доминировала раньше. Потому что и та, и другая парадигма мейнстрима, они больше озабочены были вопросом, как распределяется общественный продукт. Почему одни богатые, а другие бедные.

[00:20:02]

Марксистская парадигма критиковала неравенство социальное, объясняя, что источником каждого богатства является присвоение неоплаченного труда. А мейнстримовская, наоборот, либертарианская, говорила, что каждый получает столько, сколько его вклад стоит на рынке. Поэтому социальное неравенство – это нормальная в условиях рыночной конкуренции вещь, хотя рыночная конкуренция отродясь, в том виде, в котором ее либертарианцы понимают, не было, нет и не будет.

Поэтому, мы должны разработать новую научную парадигму, ее основы, в общем-то, понятны, которая должна в качестве главного вопроса задаться темой развития. Как развивается экономика, что нужно делать для того, чтобы это развитие обеспечивало подъем общественного благосостояния, гармонизацию отношений в обществе, и повышало уровень жизни граждан.

Вот такое государственное развитие бывало в нашу эпоху. Оно иногда бывало мобилизационным, это в государственном развитии бывали такие эпизоды. Иногда оно было достаточно либеральным. Но в разные эпохи и в разной культурной среде сочетание принуждения и свободы могло различаться. Но главным является вопрос формирования такой системы управления экономикой, которая бы обеспечивала максимальные темпы экономического роста, в смысле подъема благосостояния общества.

И именно такую задачу сегодня ставят страны, которые встали на путь нового мирохозяйственного уклада. Я больше писал про технологические уклады, как элементы цикличности в развитии производительных сил. Но такую же цикличность, аналогичную, мы наблюдаем в изменениях системы производственных отношений. И старый марксистский тезис о противоречиях между производительных сил и производственных отношений в рамках теории длинных циклов, которую мы развиваем, получает вполне, мне кажется, наглядное и понятное для прогнозирования содержание.

Новый мирохозяйственный уклад, который родился на наших глазах, используя наш исторический опыт, опыт Японии, опыт той же Европы социал-демократический, сегодня реализуется в разных ипостасях. В отличие от либеральной глобализации, которая пыталась всех выровнять под одну гребенку и ликвидировать государство, как барьер на пути свободного движения американоцентричного международного капитала, здесь сохраняется национальный суверенитет, сохраняется задача регулирования экономики. Тут вопрос не стоит дирижистская она или либеральная. Потому что именно государство призвано гармонизировать интересы в обществе, определять правила игры.

И в этом новом мирохозяйственном укладе, который мы видим в Китае, где сочетается планирование и рыночная самоорганизация, где осуществляется идеологическая идеология и поощрение частного предпринимательства. Где государство держит командные высоты в финансовом секторе, но в то же время позволяет создаваться крупным частным корпорациям в обрабатывающей промышленности. Мы видим, что государство занято гармонизацией интересов, действительно, как дирижер.

И потрясающие темпы роста характерны не только для китайской экономики, но и для тех всех экономик, которые встают на этот путь формирования нового мирохозяйственного уклада, который бы наши классики теории конвергенции сразу бы назвали, вслед за Питиримом Сорокиным, интегральным строем. Где государство интегрирует общество и отсекает те виды предпринимательского поведения, которые работают против роста общественного благосостояния, и поощряет те виды предпринимательской активности, которые работают на развитии.

В Индии аналогичный мирохозяйственный уклад сформировался без коммунистической партии на базе индийской самой большой в мире демократии. И европейская социал-демократия, это тоже был некоторый прообраз этого нового мирохозяйственного уклада, где главной целью экономической политики является не обеспечение прибыли любой ценой для собственников, и не максимизация выполнения плановых показателей. Мы помним знаменитый вал в советское время. А реальный подъем общественного благосостояния, который ориентируется на сложную модель сочетания частного предпринимательства, государственного контроля, где государство формирует с бизнесом частно-государственное партнерство в интересах роста общественного благосостояния, в чем-то, может быть, мобилизационное.

Скажем, когда на Шанхайской бирже взорвался финансовый пузырь, в отличие от спекулянтов Московской биржи, их начали допрашивать.

Руслан Гринберг: Сергей, у нас еще будет второй раунд, еще можешь сказать. Спасибо. Давайте поаплодируем Сергею Юрьевичу. Значит, смотрите, меня это задело глубоко, выступление Сергея Глазьева насчет социал-демократии европейской, что она куда-то не туда идет.

[00:25:14]

Это, конечно, большое преувеличение. На самом деле, опыт стран самых здоровых в Европе, показывает, что именно сочетание леволиберальной партии, именно социал-демократической, и праволиберальной, обеспечивает самое здоровое развитие, и большая коалиция Германии демонстрирует со всей очевидностью.

Другое дело, что социал-демократия утрачивает свои позиции в электорате, в моем представлении, связанные с тем, что исчезли большие фабрики с большим количеством народа, профсоюзы, когда можно их поднимать, идти на штурм, и забастовки. Когда сама экономика меняется, она становится более, как принято говорить, small is beautiful, малое прекрасно. Это когда у вас начинается другая совсем экономика, связанная с технологической революцией. И здесь им трудно, конечно, бороться. Тем более, их лозунги перехватывают другие партии.

Сергей Глазьев: Коротенько. Я думаю, что проблема в том, что вместо национальных государств мы сегодня имеем расширяющуюся бюрократическую империю в Европейском союзе, где социал-демократическое влияние гораздо меньше, чем в национальных парламентах.

Руслан Гринберг: Может быть, может быть.

Сергей Глазьев: А сами парламенты лишены функции экономического регулирования.

Руслан Гринберг: Может быть, Сергей. И мы еще поспорим на эту тему. Я тоже считаю, что это преувеличение бюрократии. Конечно, они приватизируют функции, еще Маркс говорил, что любая бюрократия приватизирует, так сказать, государство. Но если вы имеете сдержки и противовесы, а они, слава Богу, есть в Европе, тогда власть их ограничена. Но мы еще можем поспорить на эту тему.

Сейчас хотел предоставить слово нашему новому участнику. Господин Диденко. Он является членом Международного союза экономистов и работает в газете «Аргументы недели», правильно я говорю или неправильно?

Игорь Диденко: В данном случае, как все-таки член Международного союза экономистов.

Руслан Гринберг: В данном случае да, потому что вы должны говорить об экономической теории. Нам нужно знать, какие учебники будут лет через 15 важными. Потому что тот мейнстрим, который сегодня преподается по всему миру от Китая до Америки, в общем, все понимают, что он устарел. Но другого нет. И понятно, что все более широкой становится эта пропасть между реальной жизнью и тому, что учат в университетах. Но почему-то не происходит какой-то замены. Только в риторике происходит, даже в нашей сегодня. И на Западе недавно в Германии, тоже все говорят о том, что это не так. А что так?

Это как ВВП. Многие люди борются с этим показателем. Действительно, что такое ВВП? Людям нравится, что у них зарплата растет и все такое прочее. А если ВВП выросло на 20%, а твой доход на один, то чего тебе это ВВП? Что ты радуешься? Это понятно, что все равно. Короче говоря, прошу вас.

Игорь Диденко: Спасибо, Руслан Семёнович, за предоставленную возможность участвовать в дискуссии. Вчера Руслан Семёнович порекомендовал больше уделить внимание, скажем так, будущему цифровой экономики, потому что дискуссия о путях развития экономики, как и о путях развития общества, она, в сущности, вечна, потому что общество, как и человек, постоянно эволюционирует. Вместе с обществом эволюционирует, безусловно, экономика. И сейчас мы видим, конечно, как это неоднократно сегодня уже говорилось, период, когда происходит во многом слом. Постепенный слом экономических моделей.

И как недавно сказал господин Мао, очень правильно, что мы не можем сказать, что на самом деле происходит с экономикой. Показатель, который мы измеряем, это валовый внутренний продукт, видимо, как-то измеряем не так и не правильно. Он перестал отражать динамику благосостояния, потому что в цифровой экономике сейчас, если вы покупаете, условно говоря, электронную книжку, то вы влияете не на рост, а на падение ВВП. Потому что, купив эту книжку, вы фактически лишаете дохода печатников, лишаете дохода производителей бумаги и множество-множество смежных отраслей. Вы просто покупаете, условно говоря, авторское право.

[00:30:16]

И это, конечно, большая проблема, причем это проблема не только издателей, но и в целом экономики, так или иначе. Причем, если говорить об экономике мировой, то об этой проблеме давно уже задумались. В частности, в минувшем году американские ученые провели исследования и обнародовали вывод, достаточно неоднозначный. В ближайшие несколько лет в соединенных Штатах 47% рабочих мест будут затронуты влиянием искусственного интеллекта. То есть для рынка труда это означает, что почти половина рабочих мест в Соединенных Штатах скоро будет фактически утрачена, так как

места этих работников займут алгоритмы, роботы, программы, как вам удобно, которые умеют делать свою работу намного лучше людей.

Все мы понимаем, что алгоритмы не стареют, им не требуется оплата, они созданы и работают. Их эффективность достаточно выше, им не нужно спать, они не имеют конфликтных интересов, не коррумпированы, не ошибаются и так далее. А в перспективе ведь алгоритмы еще мгновенно самообучаются. Недавно такой алгоритм, как AlphaZero, например, от компании DeepMind гугловской, научилась играть в шахматы, играя сама с собой всего за четыре часа, и стала сильнейшим игроком в мире, как среди компьютеров, так и среди людей. А тот же Магнус Карлсен, нынешний чемпион мира по шахматам, мало того, что шел к этому больше 20 лет, так еще, кроме всего этого, в него было вложены многие-многие миллионы, десятки даже миллионов, евро бюджетных средств.

Огромное количество процессов сейчас оказались в зоне риска, и кроме стандартных таких наших профессий, как журналисты, юристы, бухгалтера, таксисты, это уже не только массовые профессии, но и такие профессии, как художники, такие профессии, как переводчики, то есть все это практически сейчас уже начинает уметь делать машины. И это огромный риск для всей экономики соответственно. Может быть, наоборот, это будет скачок. Но пока мы не знаем, как это повлияет на всех нас, – хорошо или, соответственно, плохо.

Ведь получается, что в знаменитой формуле Карла Маркса «труд + капитал = себестоимость», мы имеем тот факт, что стоимость труда снижается, а стоимость капитала приближается уже к 99, к 100%. То есть получается, что в себестоимости скоро основной урон будет играть именно капитал, а никак не труд.

Более того, сейчас уже, как говорили многие экономисты на Гайдаровском форуме, существуют программы, которые могут с колоссальной точностью оценивать риски банкротства заемщиков, риски и, соответственно, перспективы победы в суде. Более того, даже уже вероятность отзыва лицензии Центральным банком, она уже на самом деле алгоритмами оценивается очень точно. То есть аналитики фактически тоже получается, уже не нужны. Сама по себе программа оценит за вас все очень хорошо и замечательно.

И это причем только среднесрочный прогноз. А ведь есть же еще и долгосрочные прогнозы. Сейчас говоря о том, что блокчейн, новые технологии. Но никто не предсказывает пока, как эти новые технологии сыграют свою роль, как они окажут влияние на рынок труда.

На самом деле, не хочу очень сильно лорнировать, потому что очень много статистики на эту тему. Заканчивая свое выступление, скажу только, что самые наиболее распространенные пути, которые сейчас видят экономисты, это, первое, введение безусловного базового дохода. Мы как-то с Русланом Семёновичем Гринбергом обсуждали этот вопрос, когда просто все граждане будут получать, соответственно, средства, просто потому, что они существуют, они являются гражданами, они платят налоги и так далее. Но это, конечно, путь, скорее всего, больше для развитых стран. Для России, конечно, это не такой перспективный путь, потому что у нас к этому относятся, как к некоему социальному иждивенчеству.

Ну и, конечно, если говорить уж о перспективах, то нужно больше, соответственно, анализировать этот процесс. Понимать, что есть не только плюсы от цифровой экономики, но есть и очевидные риски, в том числе и социальная нестабильность в перспективе, от увеличивающейся безработицы. И мы должны это понимать и, соответственно, учитывать в наших дискуссиях о путях развития и той экономики, которая нам необходима.

[00:35:00]

Руслан Гринберг: Спасибо. И последний выступающий у нас в первом круге, Дмитрий Аркадьевич Митяев, директор Центра системного прогнозирования. Скажу, что он очень любит фундированные высказывания. Мне это всегда не хватает, и я с удовольствием ему предоставляю слово, потому что он любит обосновывать свои суждения эмпирическими данными, расчетами. Можно соглашаться, не соглашаться, но нельзя не признавать его успех. Пожалуйста.

Дмитрий Митяев: Спасибо, Руслан Семёнович. Поскольку у нас дебаты, я хочу несколько обострить, на мой взгляд, постановку вопроса от лукавого. Ничто не умерло, никакая утопия не умерла, ни план директивный, ни какой-либо другой, ни свободный рынок. Что касается директивного плана, или то же самое мобилизационная экономика, разные есть другие жупелы. На самом деле, это именно та конструкция, которая позволяет всем современным транснациональным корпорациям, всем крупнейшим банкам, Китаю процветать, и всех остальных, так сказать, держать под колпаком.

Что касается исторически, то самая эффективная в истории экономика была советская экономика времен Великой Отечественной войны. Она была просто объективна по целому ряду показателей, – материалоемкость, трудоемкость, все, что хотите, в разы эффективнее, чем объединенная экономика Европы на тот момент, которая нам противостояла, поэтому, в конечном счете, мы и выиграли войну. То же самое было после самой войны, и сам период восстановления был самый короткий. Мы отменили карточки на несколько лет раньше Англии и всех остальных. Поэтому это неправильная история, что директивный план умер.

Также и свободный рынок живее всех живых. В своей законченной ипостаси это то, что называется доктрина шока. Это капитализм катастроф. Есть такой автор Наоми Кляйн, очень хорошо это исследовала. И что касается теперь нашей ситуации. У нас 25 лет Вашингтонский консенсус. Вроде бы по форме это такая доктрина свободного, ультра-свободного рынка. На самом деле это жесткий директивный план для стран третьего, четвертого и пятого мира, колоний, полукolonий периферии, которые для нас спущен сверху, который неукоснительно соблюдается.

Мы видим, наша денежно-кредитная политика с какой-то, совершенно непонятной теоретической и практической точки зрения, преследует один параметр, таргетирует инфляцию. И мы видим те результаты, которые мы имеем. И если мы оставляем это квазисвободно-рыночную, на самом деле, жесточайшую директивно-плановую экономическую политику, которая у нас есть, безответственную, то мы, конечно, тот модуль сопряжения с мировой экономикой, который мы имеем, он усиливает внешние шоки. И если мы будем сейчас иметь в мире кризис, коллапс вполне может быть

финансовой системы, торговая война уже началась, то этот модуль сопряжения, как мы видели по эпизодам предыдущим, скажем, 2008 года, он усилит наше падение. Мы тогда упали почти на восемь процентов.

И завершая, я хотел бы три кратких тезиса, что придет на смену, или что приходит на смену. На самом деле, мейнстрим не реформируем. Он асфальтирует поляну, и он не может сам уйти, его невозможно никак подвинуть. Он может только вместе с системой рухнуть. Второй тезис, на мой взгляд, опять же большой длинный разговор, он немножко перекликается с темой цифровой экономики. Но должен быть выход за рамки экономики. То, что у нас есть мега-глобальная, макро, микро, вот сейчас есть наноэкономика. Все происходит в головах людей, происходит управление сознанием, поэтому в эту сторону и нужно посмотреть.

И последнее, здесь был упомянут товарищ Мао. Это как раз хороший пример, как это наша неолиберальная господствующая группа, в том числе в экономической науке, она, так сказать, модерирует ситуацию. Я был в рабочей группе по запуску закона «О стратегическом планировании», 172-ФЗ, Мао тогда говорил на заседаниях: ну, принимайте, это закон о пчеловодстве, безвредный, так сказать. Но как только принял, то все заказы на разработку нормативной базы, получил РАНХиГС и Высшая школа экономики. И до сих пор, три года прошло, закон не запущен.

[00:40:11]

То есть выхолостить любую содержательную историю, превратить это все в некий балаган и фарс, заработать на этом денег, и ничего не делать. Но у нас, к сожалению, исторического времени на это нет. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо большое. Очень правильно. Дорогие друзья. Я вам хочу представить никому не известного человека. Фамилия у него Хасбулатов. Еще у него очень симпатичное имя, его зовут Руслан. Поэтому у всех есть шансы - между нами сфотографироваться и будет вам счастье.

А сейчас я ему предоставлю микрофон и спрошу по-простому. Вот господин Митяев сказал, что мейнстрим не реформируем. Я, например, не очень согласен с этим, поскольку не понятно, что придет. Мы знали, что был директивный план, мы знали, что был свободный рынок. Банальные вроде слова, их комбинация, в какой пропорции, черт зарыт в деталях. Так что Руслану Хасбулатову отвечать за все, что происходит в этой стране, и происходило. Но сейчас о мейнстриме.

Руслан Хасбулатов: Спасибо. Уважаемый Руслан Семёнович, уважаемые модераторы, коллеги, присутствующие в этом зале. Я хотел бы прямо попробовать ответить на эти вопросы. Во-первых, все социальные системы, они абсолютно подвергаются своим изменениям. Это закон. Другое дело, технические, естественные системы. Математики, например, очень ругали наших академиков, сколько досталось Абалкину, когда произошел коллапс СССР, вот эти неудачи: как же так? Мы тут корабли на околоземную орбиту направляем, и множество других вещей, а вы тут не можете разобраться с экономикой, вывести закономерности и так далее.

Но корабли направляют в космос и прочее почему? Потому что миллиарды или сотни миллиардов лет существуют эти самые пути, которые математики измеряют совершенно точно, абсолютно точно, иначе не было бы никаких космических полетов. А что у нас в экономике? Мы же не знаем, под каким настроением просыпается какой-то президент, какие войска, что он пошлет в Персидский залив, или к берегам Южной Кореи, или еще что-нибудь. Или что скажет президент по поводу очередных вооружений, которые готовят у нас блестящие специалисты, и какие это последствия вызывает не только в политике, но и в экономике, прежде всего. Мы этого не знаем, и знать не можем.

Вот отсюда условность всех тех выводов, всех тех закономерностей, тех моделей, которые существуют в экономике. Мы приблизительно знаем, потому что изучали ученые задолго до нас, 300 лет тому назад еще начали изучать, циклы экономические. Торговые, потом финансовые, потом еще прочие и так далее. Приблизительно мы себе представляем, в каких промежутках продолжается кризис и так далее, и тому подобное.

Так вот, возвращаясь к этой идее, что социальные системы, социальные явления, они всегда подвергаются изменениям, они изучаемы, и говорить о том, что социальные системы не реформируемы, это просто не знать основы обществоведения, основы развития общественных наук, основы развития социальных систем. Поэтому когда утверждали, что социализм не может быть подвергнут изменениям прогрессивным, это, на мой взгляд, говорят те, которые недостаточно образованы.

Конечно, подвергаются изменениям. И должны подвергаться изменениям. Другое дело, какие изменения, какие элементы сохраняются, что там можно сохранить. Конечно, не все же выбрасывать сразу. Я, к примеру, изучаю закон Вагнера, это недостаточно известный экономист, чуть позже Маркса он действовал в Германии. Существует теорема или формула Вагнера. Он говорил: суть ее в том, что по мере развития научно-технического прогресса, роль государства, экономики должна возрастать. И, может быть, в этом и причина того, что его умалчивают, еще при социализме, как западные экономические мысли, и у нас экономическая мысль.

Я занялся этими вопросами и пришел к следующему выводу, что в принципе, формы собственности, они нейтральны. Они не должны иметь какой-то идеологический характер. Они связаны, на мой взгляд, с уровнем развития факторов производства. Другими словами, технологической зрелостью производства, как я вот назвал. Чем более высокоразвиты факторы производства, тем меньше присутствует государства, потому что нет необходимости регулировать, осуществлять непосредственное руководство.

[00:45:12]

Но в слабых государствах, там, где экономика развита очень плохо, или одни отрасли, может быть, развиты, другие не развиты, неравномерность, огромные территориальные пространства, редко населенные. Ну какой здесь рынок? Конечно, здесь присутствует, в большей степени, элемент государства. И вот я вывел определенную формулу оптимальности различных форм собственности, основываясь именно на уровнях развития, на технологической зрелости факторов производства.

Мне кажется, что она заслуживает внимания, правда, это было очень давно, еще лет 15 тому назад я об этом писал в целом ряде статей, да и в книгах все достаточно изображено. Но, видимо, мало сторонников того, чтобы развивать эти идеи. Почему? Да потому что у нас все идеологизировано. А идеологизация – это более низкий уровень политизации. Самый низкий уровень. Это уже когда противники твоих взглядов, видишь в них какого-то врага. И вот эти у нас почему-то никак не уходят, вот такое представление между разными учеными.

Так вот, мне кажется, что вот здесь кроется какая-то истина. А что касается того, в какой степени могут те или иные идеи служить обществу, конечно, это все зависит от рационального подхода. Например, я двухтомник написал «Закат рыночного фундаментализма», который исследовал с античных времен. Вы знаете, пришел я к выводу какому? Что кейнсианство было устранено по двум причинам. Во-первых, монетаризм предполагает очень примитивный бухгалтерский учет. С моей легкой руки везде стали использовать это понятие, правда, без ссылки, естественно, как у нас и бывает.

Бухгалтерский учет, там не надо ничего сложного. Выдумали формулу туда-сюда. Кстати, формулу Рогоффа, ошибку в формуле заметил третьекурсник одного из университетов, об этом очень хорошо писал лауреат Нобелевской премии, как, Игорь, ты помнишь об этом. Конечно, вот эти простые формулы, они легко. Плюс еще что? Посмотрите. С одной стороны, перенакопление различного вещественного богатства в руках государства, это, конечно, ведет к коллапсу в какой-то степени. Но с другой стороны, бюрократия заинтересована в том, чтобы сбрасывать с себя ответственность. «А, там рынок. А зачем? Я не отвечаю».

Министры не несут ответственности за отрасли, за регионы. А постольку, поскольку нет то, что говорил Руслан Семёнович, не то, что директивного, директивного вообще-то и быть не может. Директивное могло бы быть в той части, где речь идет о государственном секторе. И индикативное в той части, где речь идет о смешанных, не государственных формах собственности. Но для этого надо иметь очень умных людей.

Так вот, я заканчиваю свое выступление следующим. Вы знаете, что наука всегда оказывает на политику косвенное влияние, и никогда прямое. Правда, Платон мечтал о меритократии, потом Дэниэл Белл эти идеи развивал. Но в наших условиях, когда даже ученые оказываются где-то во власти, они становятся большими бюрократами, чем классическая бюрократия.

Руслан Гринберг: И для себя ты это тоже говоришь? Или ты исключение?

Руслан Хасбулатов: Нет, я исключение, да, я исключение.

Руслан Гринберг: А, запомним.

Руслан Хасбулатов: И вот я заключаю следующее. Вы знаете, это, конечно, прекрасно, что мы время от времени собираемся, изливаем душу, излагаем мысли и, кстати, далеко неплохие. Я тоже, как Руслан Семёнович, бываю в разных аудиториях в других странах, читаю много лекций. Я вижу, что наша экономическая мысль, в общем-то, мало уступает

самой лучшей передовой экономической мысли других стран. Но я хочу вот что сказать. Самые наши замечательные идеи, какими они бы ни были, совершенно бесполезны, если! Если не будет изменена президентом кадровая политика.

Если будет продолжаться вот та же кадровая политика, те же кадры, так вы знаете что, никаких вот этих заверений, то, что говорил, прорывных идей, высоких темпов роста, превышающие мировой уровень, абсолютно недостижимы. Вот это надо понять и президенту, и тем его истинным сторонникам. Я не уверен в том, что их так уж много. Вот если они это не поймут и не заменят огромное количество управленческого персонала на среднем уровне и на верхнем, так ничего не будет. Будет хуже, учитывая международную обстановку, изношенность фондов, и внутренние, и международные вот эти обстоятельства. Спасибо.

[00:49:57]

Руслан Гринберг: Спасибо большое, Руслан Имранович. Нет, оставайтесь, у нас же еще 35 минут нашей дискуссии. Но мне бы хотелось все-таки сконцентрировать ваше внимание на том, что производительные силы. Мы примерно договорились, что сочетание плана и рынка, как у нас еще повелось с 1965 года, знаменитая брошюра Геннадия Степановича Лисичкина. И потом и в Чехии, Чехословакии. Черт прячется в деталях. Где-то больше рынка, где-то больше государства.

Я вообще считаю, что мы должны отказаться от этих терминов – социализм, капитализм. Здесь есть фундаментальное какое-то соотношение социальности и эффективности. К сожалению, это разные вещи. Как бы на экономическом языке, свобода – это эффективность, социальность – это справедливость. И здесь они, в общем-то, могут находиться в антагонизме. Здесь найти правильное сочетание. Тому, кому удастся найти правильное сочетание, тот более-менее имеет здоровую экономику.

Но все-таки производительные силы. Почему-то никто ничего не говорит про них. Говорят, что чуть ли не постзападный мир начинается. Может быть, вот Руслан Имранович говорил о том, что в связи с научно-техническим прогрессом по закону Вагнера должно государственное участие увеличиваться. Он, правда, не раскрыл, почему это происходит. Я-то думаю, что сегодня, когда антропологическое вмешательство в природу ставит под сомнение вообще жизнь человечества, и тогда на основе сотрудничества государств должна состояться какая-то общая деятельность, но не частного сектора, а все-таки государства опять.

Как бы мы плохо к государству не относились, его заменить нечем. Есть такая теория у либертарианцев. Есть ошибки рынка, в соответствии с теорией, есть ошибки рынка. Потому что если его не регулировать, эти ошибки становятся фатальными. Это монополии возникают, асимметрия информации, поэтому нужно исправлять ошибки рынка. Кто будет исправлять ошибки рынка? Ошибки рынка должно исправлять государство. Но как говорится, хрен редьки не слаще. Оно может так исправить, что еще хуже будет. И поэтому говорят, что государство должно исправлять ошибки рынка, но как только оно вмешивается, если оно еще не подлежит никакому контролю, оно там творит, чего хочешь. То есть мы в этой реальности находимся.

Но все-таки, есть какие-то тенденции, говорящие о том, что, как нас учили с Русланом в детстве, что обобществление происходит, что доля рынка должна как-то уйти. Есть такой момент, что, вообще, новая экономика требует других качеств, может быть. Может, эгоизм должен исчезнуть, а больше коллективизма. Многие на Западе пишут сейчас на эту тему. Особенно рост неравенства в последние 30 лет, привел к тому, что нужно как-то позаботиться о том, чтобы благосостояние для всех было. Для всех, подчеркиваю, а не только для богатых.

Кто хотел бы что-нибудь сказать на эту тему? Сергей, можешь сказать? Твои уклады, они должны поменять что-то в теории или нет?

Сергей Глазьев: Они меняют, безусловно, в теории. Но, прежде всего, два слова о теориях. Возвращаясь, какие идеи возобладают в мейнстриме, вот Дмитрий Аркадьевич сказал, что мейнстрим невозможно изменить. Руслан Имранович говорит, что все меняется. Действительно, все меняется. Меняется политика, она становится более сложной. И в соответствии с тождеством теории управления о том, что, если мы хотим иметь эффективность, у нас избирательная способность системы управления должна соответствовать разнообразию объектов управления.

Экономика становится все более сложной. Все более сложной становится система управления. И те же отношения собственности более сложными становятся. Даже если вы частный собственник крупного завода, вам придется потесниться, дать место в совете директоров представителю трудового коллектива. Некоторые наши специалисты говорят, что и специалистам инженерного корпуса нужно давать право принятия решений. И местной власти надо учитывать интересы населения, и так далее.

Руслан Гринберг: Знаешь, сейчас же еще борьба идет за то, что как-то конкуренцию уже ставят под сомнение многие. Говорят, что она разрушительна в принципе. Мы-то в России страдаем от того, что у нас все монополизировано, а когда говорят, что она сама по себе губительна, это уже новости.

Сергей Глазьев: Более того, если вы хотите реализовать крупные проекты, которые затрагивают интересы большого количества населения, вам придется договариваться с государством. И выходить на частно-государственное партнерство. И конкуренция сочетается с кооперацией. Но я хочу обратить внимание, что мейнстрима это вообще никак не касается, потому что мейнстрим экономической мысли это идеология.

[00:55:10]

Это идеология, которая оправдывает статус-кво. Мейнстрим всегда защищает интересы властвующей элиты. При этом господин Мао приснопамятный, упомянутый только что, как яркий представитель этого мейнстрима, всегда старается выбрать простые фразы. Сначала они говорили, чем меньше государства, тем лучше, потому что так считают Вашингтонский консенсус. Потом они сказали: мы забыли, что такое Вашингтонский консенсус, и начали говорить следующее, что, да, вы правы, имею в виду людей, которые призываются к государственному регулированию, но все разворуют. Вторая простая мысль.

Третья простая мысль, сегодня они уже согласились, что благодаря цифровым технологиям, цифровым деньгам можно сделать такую систему управления деньгами, что ничего украсть будет нельзя. Все будет прозрачно. Теперь они говорят, что могло бы быть и хуже. Поэтому не трогайте нас. Они защищают интересы властвующей элиты.

Руслан Гринберг: Понятно. Серёж, я тебе хочу сказать, я тебя умоляю. Мы уже победили этот рыночный фундаментализм, мы здесь, как лекция о вреде религии в атеистической аудитории. А я все-таки хочу допытаться до того, что все-таки, какие новые элементы теории должны появиться в связи с тем, что изменяется материальная жизнь общества. Вот Хасбулатов чего-то хотел сказать.

Руслан Хасбулатов: По поводу конкуренции. Вы знаете, в результате своих многолетних исследований я пришел к выводу, что то, что принято говорить, транснациональные корпорации, так они вообще никакой конкуренции в этой сфере нет. Не случайно в период глобального кризиса появился даже термин, официально разрабатывался, выводить из-под кризиса эти компании, банки, – слишком большие, чтобы позволить им обанкротиться.

То есть государство концентрированно взяли под защиту эти все крупнейшие банки и ТНК. Они сами, когда банкротятся, то не в силу каких-то своих показателей, на грани исчезновения, трудностей внутренних и прочее. Из-за чрезмерно рискованных операций, авантюристических действий или откровенного воровства, как Мэдофф групп осуществил. Так вот, теперь вы скажете, – а за счет чего тогда конкуренция? Постольку, поскольку на эти ТНК приходится порядка 25%, в среднем всего лишь ВВП, а более 50% приходится на малый и средний сектор, так вот конкуренцию поддерживает малый и средний бизнес.

Если преломить эту ситуации, это подтверждается нашей реальностью. У нас говорят, от 10 до 25 приблизительно, в таком парадоксе, это малый бизнес. Следовательно, у нас нет малого бизнеса. А крупные ТНК выведены из-под конкуренции. Отсюда и абсолютная невозможность в нашей экономической системе задействовать рычаги конкуренции. Вот с чем, на мой взгляд, связаны эти факторы, в том числе, отставание. Я не говорю о всех факторах. Мы только говорили о конкуренции.

Руслан Гринберг: Я хочу здесь немножко не согласиться с моим тезисом по поводу нашего малого бизнеса. Он, действительно, у нас составляет всего лишь одну пятую часть ВВП. И говорят, что надо его каким-то образом расширять. А я всегда говорю, что он не может сам по себе расширяться. Дело в том, что большая величина малого бизнеса в развитых странах, она связана с тем, что там есть большой бизнес и диверсифицированный. За узлы и детали которого борются мелкие и средние предприятия. В этом проблема вся.

А у нас большой бизнес сосредоточен только в двух сферах – топливо и сырье, плюс финансы, банки. Это, вообще, паразиты на теле человечества, которые во время стагнации получают сумасшедшие прибыли, отчитываются перед президентами – у нас на столько выросли, у нас на столько. А вся прибыль за то, что берут комиссию с перевода одного счета на другой в своем же банке чуть ли не 10%. Так что, мне кажется, что вот эта история с малым и средним бизнесом, здесь, как ни снижай налоги, я знаю, мое общение с малым и средним бизнесом очень простое.

Вот он производит табуретки. И если он знает, что эти табуретки нужны людям, ему вообще до фонаря, какие налоги, как-нибудь договорится. И с пожарниками, и со всеми. А если у тебя индустриальный ландшафт такой, что все занято практически импортом, то снижай налоги, не снижай, то мало получится.

Руслан Хасбулатов: В том-то и дело, а почему импорта?

[01:00:05]

Руслан Гринберг: А потому что, ты сам знаешь, ты же боролся еще с Ельциным по этому вопросу, что страна стала жертвой моды на теорию так называемых естественных конкурентных преимуществ. Как там говорили наши друзья на Западе? Вы, ребята, новую жизнь начинаете, рынок, не повторяйте наших ошибок. Мы участвуем в благостном мире, перестройка, жвачка, мир. Значит, у вас хорошо получается пенька, газ, нефть, вот вы и давайте это все. А остальное мы вам завезем. А мы на это быстро поддались после 70 лет недокорма, конечно, чтобы побыстрее все. Вот оно и получилось. А теперь уже поздно начинать что-то делать.

Академик Ивантер, например, интересный человек. Он говорит: я с ужасом думаю, что закончится «холодная война» и нам придется санкции отменять. Это же правда. Что, мол, санкции отменят и тогда опять у нас импорт хлынет, и опять ничего не будем делать. Я говорю, так надо Западу всем дать героя капиталистического труда, что они нас побуждают, что их вражда к нам побуждает нас к хорошим делам. Ну, что делать?

Дмитрий Митяев: Руслан Семёнович, можно от табуреток? Вот у нас тема же экономическая философия, к философии немножко. Мне кажется, мы ответ в этой двухчастной схеме «план-рынок» вообще не найдем. Русское сознание, кстати, так же, как и китайское, оно троично. Вот есть свобода, равенство, братство. Есть рынок, план и нечто третье, скажем так, народ.

Что такое рынок? Это жадность, да? Что такое план? Это власть, страх. Но должен быть еще третий элемент, дух, который в это все какую-то цель закладывает. И я к чему это говорю? Если мы возьмем то, что происходит и на Западе, и на Востоке, там есть все-таки некое целеуказание. Там доля государства, на Западе, в ВВП 50-40%. А у нас цель поставлена, чтобы было 30. Почему 30? И наш Минфин с этим достойно борется.

Руслан Гринберг: То есть мы большие католики, чем сам Папа.

Дмитрий Митяев: Я к чему это говорю? Я просто хочу поддержать вашу идею, что надо от этой, может быть, старой схемы двусторонней «план-рынок», уходить и что-то искать третье. Потому что иначе мы не найдем здесь выхода.

Руслан Гринберг: Согласен. Прошу вас, товарищ Худокормов.

Александр Худокормов: Спасибо. Я хочу все-таки обратить внимание на старую формулу, что человек является главной производительной силой. И это учитывается современной западной экономической мыслью. Здесь она становится более богатой. И в мейнстрим добавляются такие отрасли, как поведенческая экономика, экспериментальная экономика. То есть та экономика, которая непосредственно имеет дело с человеком. Все

дальше и дальше западная мысль уходит от неоклассической концепции человека эгоиста, рационального субъекта, и так далее, и тому подобное. И в этом смысле она становится более реалистичной, я бы сказал.

И еще одно. Все-таки, Сергей Юрьевич, вы в основном, под мейнстримом имеете в виду монетаризм, supply-side economics, вот эти вещи, которые были при Рейгане, при Тэтчер. А ведь мейнстрим, он более богатый на Западе. Он включает, в частности, и отдельные отряды кейнсианства. В частности, информационную экономику кейнсианскую. Называют Стиглица, Акерлоф, Кругмана, Шиллера, я называю только Нобелевских лауреатов, такими примитивными, в духе Фридмана апологетами капитализма, я бы не стал. Они иначе относятся к капитализму, иначе его диагностируют и другие пути предлагают для лечения.

И в нашей стране, Руслан Семёнович, тоже происходят изменения. Да, в экономической мысли. После того, как на Западе раскрыли геном человека, как вы знаете, англичане и американцы, у нас стала развиваться психогеномика. Покойный Алексиевич занимался очень активно природой человека, выводы делал такие довольно интересные. Кстати, в духе социал-демократии. Но не в духе борьбы за сексуальную свободу, а в духе повышения доходов трудящихся.

Руслан Гринберг: Он светлый человек очень был.

Александр Худокормов: Да, да. Он такой социал-демократической ориентации человек был. Спасибо.

Руслан Гринберг: Мне подсказывает мой тезка, что сексуальную свободу тоже не надо запрещать. Пусть будет.

[01:05:05]

Сергей Глазьев: Я хотел уточнить все-таки. Одно дело, действительно, мейнстрим, который в теории развивается, другое дело, мейнстрим в экономической политике. Здесь мы сталкиваемся с такой вульгарной интерпретацией, которую олицетворяет идеология, навязанная нам Валютным фондом и экспертами этой уважаемой организации, которая к нам приезжает. Почитайте меморандумы Валютного фонда, которые адресованы нашим денежным властям. Диву даешься. Там про Стиглица, для них это, мне кажется, как черт от ладана они шарахаются.

Руслан Гринберг: Но это правда. Я с самого начала сказал, любим это без всяких оговорок принимать доктрины, особенно западные. И у нас в одном флаконе есть, я думаю, что наша проблема в том, что у нас в одном флаконе комплекс неполноценности и мания величия. И это очень грустная история, потому что мы как бы враждуем с Западом, а с другой стороны, без всяких оговорок принимаем то, что они говорят. Причем говорят, а не делают. Вот в этом большая разница есть. Потому что, если посмотреть, что они делают реально.

Когда я, например, им говорю: «А чего вы нас учите тому-то, а сами вот это делаете?» Ну, например, субсидирование самолетов. Вот американцы произвели «Боинг». Весь мир, 200 стран, и говорят: «Ребята, вот самолет – летайте» – «А деньги чего?» – «Деньги не

надо платить. Когда будут, тогда отдадите» – «А что это такое? Как?» Это просто настоящая государственная социалистическая поддержка, экспортно-импортный банк дает им спокойно деньги и все. А нам надо принесли до копейки. А когда я говорю: «Чего вы нас учите, не надо», – «А это, – говорят, – наша ошибка была». Все, что мы делали по субсидиям. Я говорю: «А чего вы нас учите эти крестьянские субсидии не говорить? Вы отмените у себя сначала, и тогда будут равные условия конкуренции». – «А мы не можем». – «А почему не можете? Чего там у вас фермеры, три процента населения?» Они говорят: «У-у-у, три процента, они на тракторах приедут, такую бучу поднимут. А у вас-то молчат все. Поэтому вы сделайте рынок свободный, спокойный». Это удивительная история.

Но ладно, мы все сбиваемся на теперешнюю ситуацию, что происходит. Нам надо подумать все-таки, что будет. У нас время осталось, может быть, кто-то из зала хотел что-нибудь сказать? Давайте так, каждый из моих выступающих скажет по полторы минуты, а потом вы. Про табуретки? Это вот директор мебельной фабрики, я тебе слово дам всегда, поскольку я табуретками оперирую всегда. Да?

Александр Худокормов: Пару слов всего. Я считаю, что все-таки какая-то надежда у нас есть. Вот при Ельцине у нас сложилась такая комплексная либертарианская концепция. Везде. В области иностранных дел мы потихонечку отошли. Дорогого Андрея, слава Богу, уже нет у нас, правда? Нет Козырева. И козыревского курса нет. Дальше у нас был человек с мебельным прошлым, руководил армией на либертарианских основах, как вы знаете. Покупал, продавал все, помните? Совсем недавно. Убрали человека с мебельным прошлым. Есть какая-то надежда, что наконец дойдут наши руководители, что с помощью нынешнего экономического блока не видать нам темпов роста выше среднемировых. Не видать, как своих ушей.

Руслан Гринберг: Каких руководителей-то? Только один есть.

Александр Худокормов: Вот, пускай он и дотукает.

Руслан Гринберг: Пускай за все отвечает.

Александр Худокормов: Нет, не за все отвечает, но, что делать? Такая наша страна. От первого лица очень многое зависит. Так всегда было. Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, от первого лица всегда все зависело. Или почти все.

Руслан Гринберг: Там все-таки Политбюро, они друг друга ненавидели, поэтому вынуждены были разговаривать, согласовывать. А сейчас получше стало.

Александр Худокормов: Да, только один человек, получше, правильно.

Игорь Диденко: Я, конечно, во многом соглашусь с предыдущими ораторами, за исключением, может быть, одного момента. Все-таки роль человека в экономике в будущем вряд ли будет возрастать, скорее, снижаться в связи с большим участием в экономике и ВВП, соответственно, алгоритмах искусственного интеллекта и так далее. А также, скорее всего, хотел бы уточнить, что плановость экономики будет возрастать, потому что планировать то, что в будущем будет происходить, гораздо более проще, эффективнее именно с точки зрения машинного интеллекта.

[01:10:06]

А из таких не позитивных перспектив, к сожалению, тенденция на рост неравенства, которую Руслан Семёнович упомянул, в последние 30 лет присутствует и увеличивается. Оно так же никуда не денется. Неравенство будет возрастать. Снова будет придумано что-то такое новое, прорывное и уникальное, потому что монополизация во всем мире растет. Все мы знаем пять крупнейших мировых компаний – Microsoft, Facebook, Google, Amazon, Apple. Фактически все, кто сидят в этом зале, мы всем им платим, и тем самым способствуем этому росту неравенства. Поэтому, к этому нужно просто относиться как к данности, и думать о том, что будет дальше. Спасибо.

Руслан Гринберг: Глазьев, Митяев, Хасбулатов, по одной минуте. И потом из зала.

Сергей Глазьев: Возвращаясь к экономике, хочу сказать, что все же осмысливаю сложность, неравновесность, неопределенность происходящих в экономике процессов. Мы в действительности имеем основу новой научной парадигмы, которая позволяет достаточно точно прогнозировать, что будет дальше. Эта парадигма основана на нелинейных процессах смены технологических укладов, и мирохозяйственных укладов, где этапы стабильного роста прерываются технологическими и институциональными революциями, где чередуются волнообразные подъемы и структурные кризисы. И сегодня мировая экономика выходит из двух кризисов – технологического структурного и институционального. Мы видим новое ядро мировой экономике в Юго-Восточной Азии.

У нас есть шанс войти в это ядро, опираясь на опережающее развитие нового технологического уклада и формирования института нового мирохозяйственного уклада. Или мы окажемся на разрыве между старым центром, в лице американоцентричной либеральной глобализации, частью которой мы стали, и новым центром, в лице китайского экономического чуда. Этот разрыв между двумя центрами может оказаться фатальным. Поэтому наша теория позволяет достаточно точно прогнозировать, что будет при нынешней политике, которая нас ставит в периферийное положение по отношению к двум центрам, и что надо делать для того, чтобы войти в ядро нового технологического мирохозяйственного уклада и вырваться, совершить тот прорыв, о котором говорит президент.

Руслан Гринберг: Спасибо.

Дмитрий Митяев: Значит, тот неолиберализм, который продолжает, на мой взгляд, господствовать, он достаточно естественным образом может перетечь, с учетом революции машин, в трансгуманизм. У нас есть такой один сторонник Герман Греф, он как-то один раз сказал, что нельзя людям вообще давать знания, потому что они тогда будут чего-то спрашивать. Второй раз он сказал, что виртуальные личности более важны, чем реальные. Поэтому, чтобы этого избежать, мы должны понимать, что возможен и экономически обоснован новый гуманизм, что роль человека не уменьшается, на мой взгляд, а на самом деле возрастает, что там будут делать алгоритмы, которые сейчас уже 90% биржевого оборота обеспечивают. Это уже их проблемы.

Руслан Гринберг: Новый гуманизм, хорошо. Что со старым делать? Куда он делся? Хасбулатов.

Руслан Хасбулатов: Вы обратили внимание, уважаемые коллеги, на то, что в последние годы, особенно после завершения глобального кризиса 2009-2010 годы, международные организации обратили свой взор в направлении того, что происходит. Огромная концентрация богатства под контролем незначительной части процентного населения, и нарастание бедности на другом полюсе. Причем уже давным-давно все пишут, правда, наши более скромные в этом отношении, что средний класс тоже суживается.

Некоторые западные очень авторитетные экономисты говорят о возвращении классовой борьбы, о том, что Маркс был прав и прочее. В общем-то, это уже свидетельство того, что, действительно, доминирующие экономические теории, которые являются методологической базой экономической политики, конечно, они уже не срабатывают. Они устарели. Несомненно, идет поиск стратегических идей в сфере того, какую все-таки экономическую теорию или синтез теории взять за основу экономической политики. Очевидно, что это идет и в нашей стране, и среди наших экономистов и политологов поиск. Но пока что определенных таких вещей нет.

Наша ситуация усугубляется тем, что если они как-то более были последовательны в использовании тех или иных экономических теорий, например, в послевоенное время социал-демократия использовала кейнсианство. Создали социальное государство, общество благоденствия.

[01:15:11]

Потом уже, когда достигли множества социальных и иных целей, стали отказываться в пользу богатого класса от этой теории, взяли на вооружение неолиберализм экономический. А мы решили сразу, вот величайшая ошибка в этом смысле правящего класса, да и нас, ученых, в том, что мы отказались от кейнсианства, которое создало самое социальное государство, общество изобилия и определенное равенство между разными классами.

Мне кажется, что вот это упущение, и вот эта попытка сразу перескочить и американизировать, даже не европеизировать, а именно американизировать экономику, оно загнало те объективные причины, обуславливающие наши трудности, еще вглубь. Оно увеличило искусственным путем сверху вниз наши трудности. И мы никак отсюда пока что не можем выскочить. Поэтому, конечно, в рамках поиска новых идей, в том числе и социальных, распределительных и прочих, прочих, нам надо думать и о том, как, каким образом нейтрализовать вот эти- причины.

Но я хочу все-таки вернуться к своей мысли. Долгие годы все-таки сотрудничества с властью, и не только участие во власти, но и сотрудничество с ней все предыдущие годы, меня привели к мысли, что если не будет очень серьезной кадровой реформы, я не говорю кадровой революции, к сожалению, мы можем уже очень серьезно отстать от множества целей. В общем-то, правильно ставит президент, трудно придаться к его словам.

Руслан Гринберг: Вот видите, мы начали с того, и заканчиваем. Мне так грустно очень. Мы начали с того, что какая ни какая-нибудь теория, самая хорошая, элита у нас такая никудышная, что смысла вообще никакого нет. И профессор Хасбулатов заканчивает это дело. Чего же мы тогда полтора часа, о чем вообще говорим? Значит, у нас есть несколько минут, прошу, вопрос-ответ короткий, или реплика, несогласие.

Мужчина: Я представляю Общество российско-китайской дружбы, поэтому вопрос будет касаться отношений с Китаем. Руслан Имрановичу вопрос. Он представляет старейший вуз, который готовил российских коммерсантов еще задолго до 17-го года. Это первое. Второе, он восточный человек, поэтому отношения с Китаем ему не безразличны. Вопрос такой. На военно-политическом уровне у нас развиваются отношения с Китаем гигантскими шагами. Что касается частного бизнеса, то здесь с отрицательным эффектом. Арбитражи завалены спорами хозяйствующих субъектов, черные списки с обеих сторон, и так далее. Вопрос Руслану Имрановичу, как восточному человеку, представляющему этот старейший коммерческий вуз, – почему у нас так развиваются отношения с Китаем на уровне частного бизнеса? Спасибо.

Руслан Гринберг: Мы ему дадим потом, как восточному. Сначала западный человек скажет. Кто еще хотел сказать?

Мужчина: Смотрю я на вас уже второй день. Вроде на словах вы все социал-демократы, а по сути, либералы, еще даже хуже. Но приятные такие либералы, косите под социал-демократов.

Руслан Гринберг: Все, аплодисменты, время закончилось.

Мужчина: Могу закончить, но я думаю, вам самому интересно, что я имею в виду. Смотрите, поясняю. Вот здесь Сергей Юрьевич и его сосед рассуждали о размере правительства. Так вот не надо смотреть на рынок, как на бога. Нужно смотреть, как на машину. А машиной надо управлять. По крайней мере, мужчина этим и занимается всю жизнь, любой машиной.

Теперь смотрите. Современная наука, а именно физика, разработала технологию, которая позволяет анализировать статданные любого региона, определить оптимальный размер правительства, то есть долю бюджета в ВПП.

Руслан Гринберг: Нет, спасибо. Физика, вот когда физика вторгается в экономику, это караул.

Мужчина: Это прекрасно, вы просто физики не знаете, а это лучше любой женщины.

Руслан Гринберг: У меня тройка была. Но сколько я отличников знаю по физике, ни в коем случае.

Мужчина: Так вот смотрите, когда вы определите ваш оптимальный размер...

Руслан Гринберг: Нет-нет, ваше время закончилось. Кто еще хотел? Пожалуйста. Скажите чего-нибудь хорошее, а то физики, понимаешь ли.

Мужчина: Хорошее? У меня сложный вопрос, даже очень. Сначала потребуется пояснение. По поводу физики. Хорошо, существует теория частиц и теория волн. И физики, когда им что-то надо, то на один край бегут, то на другой. А теперь в экономике. Фридрих фон Хайек, Кейнс, государственная метода, система управления экономикой, и свободный рынок. И тоже идут шараханья, вот о чем вы в общем-то и говорили. Я с вами со всеми...

Руслан Гринберг: Ваш вопрос какой?

Мужчина: Сейчас будет. Я со всеми с вами согласен. Дело в том, что получается, что определенные фрагменты, общая система, она еще смутная, еще не выработалась, а какие-то фрагменты можно видеть уже в чистом виде. Как Руслан Имранович говорил, например, что транснациональные корпорации ведут себя подобно отдельным государствам, которые захватывают не территории, а сферы. С вами согласен, с Сергеем Юрьевичем. Это абсолютно точно. У меня вопрос.

Руслан Гринберг: Мы не говорим о жизни, мы говорим о теории, если вы хотите что-то сказать про теорию?

Мужчина: Да. Кстати, один ученый описал реальность такой, какая она есть на самом деле. Он нашел методу. И Крупнов Юрий Васильевич, он был знаком с ним. Так вот, тот, кто напишет теорию света в знаках языка, то есть не волн и не частиц, это сразу Нобелевская премия.

Руслан Гринберг: Я думаю, если бы мы так все время вмешивались в физику, что бы было?

Мужчина: Так, как реальность описать таким образом, и когда будет создана, когда, кем и каким образом будет создана теория будущей экономики. Вопрос, когда?

Руслан Гринберг: Ну, может быть. Я думаю, что это не наш вопрос вообще, это не вопрос теории. Я сейчас дам слово для ответа Руслану Имрановичу и закончим на сегодня.

Руслан Хасбулатов: Спасибо. Так, по поводу Китая. Здесь множество причин. Во-первых, не только с Китаем. Нам ведь продавать нечего. У нас же очень узкий товар. Мы занимаемся, я уже вам говорил, я заведу кафедру мировой экономики с 1984 года. Мы регулярно и международная торговля, и прочее, прочее, чем только не занимаемся, и в сфере мировой экономики, международные экономические отношения. Когда сравниваешь список наших, так сказать, торгуемых товаров, вывозимых за рубеж, это как кот наплакал, как говорится. Вот основная причина. Это раз.

Вторая причина, конечно, еще и другие истории. Дело в том, что Китай, во-первых, это, знаете, модель нэповская. Это абсолютная конвергенционистская модель. И самым главным конвергенционистом и теоретиком, и практиком, был не Уолт Ростоу в стадии экономического роста, как принято, а Владимир Ильич Ленин, который политическую систему оставил социалистической, а капиталистическую экономику, как капиталистическую систему внедрил, и фактически спас государство, и власть свою большевистскую, и множество другого.

Так вот, Китай необычайно талантливо развивает вот эти вещи. И какую она проводит, этот элемент, я вижу даже и китаисты, и Маслов, и другие, или не замечают, или почему-то не освещают. Дело в том, что у них очень жесткая ценовая политика. Китай никогда не закупает дорогостоящее сырье. Уже лет десять торговали по поводу поставок нашего газа, а наши так и не поняли, почему Китай торгуется. Они считали, что по каким-то иным причинам. Нет. Китаю и сейчас важно сохранить низкие цены у себя, низкие налоги. Отсюда вот эти преимущества, получаемые в международной торговле. Отсюда вот этот профицит чуть ли не 300-400 млрд долларов США.

Вот причины. А мы не можем им поставлять фактически ничего по тем ценам, которые им необходимы. Не в силу того, что они хотят давить, уничтожить. А в силу того, что у них установки такие. У них внутренние цены должны быть вот такие.

Руслан Гринберг: Понимаете, да? Мы пришли к тому, что в результате того, что мы взяли ложную теорию, мы получили то, что примитивизация структуры, она как раз к этому ведет. Короче говоря, дорогие друзья, я не знаю, как вам, мне было очень интересно. И я надеюсь, вам тоже.

[01:25:02]

Надо сказать, что мы конечно же только вначале пути построения модели какой-то экономической. Мы точно еще не знаем, как цифровая экономика скажется вообще на производительных силах. Может быть, здесь вообще не будет никакого места для рынка. Но, так или иначе, надо думать на эту тему. Я вас всех благодарю за терпение и внимание. И желаю хорошей жизни.

(аплодисменты)

[01:28:18] [Конец записи]